

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Петровского Антона Владимировича на тему «Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация Петровского Антона Владимировича посвящена комплексному исследованию институционально-нормативной системы предупреждения преступного поведения, и представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, результаты которой обладают свойствами научной новизны и теоретико-прикладной значимости.

Актуальность диссертационной работы не вызывает сомнений. Следует согласиться с утверждением автора о том, что вопросы существования криминологического законодательства как межотраслевой нормативной формации, обладающей институциональными связями с неюридическими нормами и практиками, пребывающими в социальной действительности, остаются дискуссионными и теоретически не разработаны.

Конечно, в изменившихся социальных, экономических, политических условиях разработанные ранее отечественной криминологией методы и способы предупреждения преступного поведения могут быть критически осмыслены с целью определения научно обоснованной возможности и целесообразности их использования в новой ситуации. Но методологические основы разнообразной по форме и содержанию предупредительной деятельности по-прежнему должны базироваться на признании социальной обусловленности преступности и воздействии предлагаемых предупредительных мер на причины и условия, ее порождающие. Предупреждение преступного поведения – это сложно организованная деятельность, направленная на управление социальными процессами, детерминирующими преступность. Поскольку традиционно практически все меры профилактики представляют собой различной степени интенсивности ограничение прав и свобод потенциальных нарушителей уголовно-правовых запретов, в нынешних условиях особенно важно тщательное правовое регламентирование применения предупредительных мер, принципиальное решение вопроса о пределах использования правоограничений.

Необходимо установить грань, за которой необходимое в целях обеспечения безопасности развития общества ограничение прав и свобод превращается в тотальный, репрессивный. Эту позицию афористично сформулировал В. В. Лунеев: «Реальным выходом из криминального капкана может стать только ювелирная гармонизация социально-правового

контроля и строжайшего соблюдения прав человека, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и гуманностью этой борьбы. Односторонние и крайние подходы заведут нас в тупик»¹.

Поэтому в представленной А.В. Петровским работе впервые предпринята попытка характеризовать криминологические нормативные системы, не используя апробированные подходы, а акцентируя внимание на включенности в уголовно-правовое и превентивное законодательство обычных (традиционных) и религиозных норм, использовании в профилактических практиках традиционной идеологии, религиозных установок, корпоративных правил. В настоящем исследовании приоритет отдается воплощению в правоохранительной и уголовной политике культурно-этнической и религиозно-моральной составляющих, которые являются элементами криминологических практик и юридических норм.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены авторским подходом к организации исследования, его методологической основой, методическим инструментарием и качеством источников первичной научной информации.

Работа представляет собой логически последовательное и завершенное, композиционно целостное исследование, которое органично сочетает в себе:

новую теоретическую основу для создания российской системы криминологического законодательства на основе симбиоза юридических и иных социальных норм в сфере предупреждения преступного поведения;

детальное изучение сущности и содержания антикриминальных норм, позволившее обосновать их криминорезистентность, т.е. способность нейтрализовать криминогенные детерминанты, оказывать социально полезное воздействие на ментальное сознание индивидов, составлять основу социального и персонального антикриминального регулирования поведения человека;

генерацию предложений по совершенствованию механизма институционально-нормативного регулирования предупреждения преступного поведения на самой ранней стадии, стадии непосредственной профилактики преступного поведения и предупреждения посткриминального поведения (рецидива).

Научная новизна диссертации определена как самим фактом обращения соискателя к системному исследованию неразрешенных в теории и на практике вопросов, связанных с разработкой теоретических основ формирования институциональной системы юридических и иных социальных норм превентивного характера, призванных регулировать

¹ Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 7.

отношения в сфере предупреждения преступного поведения, а также в обосновании превентивно-антикриминальной функции этой системы, способной быть генератором возникновения, формирования, эволюции соответствующих норм и институтов.

Новыми, существенно уточняющими и развивающими известные доктринальные положения, и однозначно заслуживающими внимания и обсуждения, следует признать результаты исследования А.В. Петровского, которыми:

обосновано новое научное направление – криминологическая нормативная антропология, задачей которой будет выявление, изучение, анализ традиционных (обычных), религиозных, профессионально-корпоративных норм, с одной стороны, способствующих формированию институционно-нормативной системы предупреждения преступного поведения, а с другой – совершенствованию криминологических нормативных правовых актов (с. 16 – 53, 92 – 150, 317–323, 325–365, 368–386);

актуализирована тема «превентивной юстиции», призванной процессуально обеспечить деятельность государственных механизмов по сбору, хранению, анализу криминологической информации, процедурному закреплению практической реализации превентивно-принудительного принуждения (с. 291–328, 389–454);

предложена концепция «превентивной стратегии» как методологического направления деятельности, ориентированной на устранение криминальных проявлений со стороны индивидуумов посредством комплексного использования уголовного наказания, принудительного профилактического воздействия и криминорезистентных возможностей общества (с. 15–23, 65–157, 175 – 210, 323–356, 424–451);

обоснован комплекс предложений, направленных на изучение криминорезистентного потенциала юридических и иных социальных норм с целью повышения превентивного потенциала уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административно-деликтного, профилактического законодательства, позволяющих превратить криминологию в базовую дисциплину для создания уникального превентивного отечественного законодательства и подготовки специалистов-криминологов (с. 17–22, 41–50, 53–58, 72–105; 113–130, 180–197, 224–230, 231–252, 406, 425, 429–441);

доказана необходимость интеграции юридических и иных социальных норм криминологической направленности, повторяющих по нарастающей разнообразные меры (формы) профилактического воздействия в рамках различных нормативных институтов: обычно-традиционного, профилактического, административно-деликтного, уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного в целях построения эффективной институционально-

нормативной системы предупреждения преступного поведения институционально-нормативной системы (с. 18–26, 77–82, 104, 223–277, 286–454);

представлена дефиниция «антикриминальные религиозные и традиционные нормы», которые выполняют интегративно-превентивную функцию, находятся в тесной связи с уголовно-правовым запретом, укрепляют социальную солидарность, реализуясь в духовном и этническом воспитании, обуславливая желание людей пресекать антиобщественные, противоправные явления или устранять криминогенные детерминанты (положение 16, с. 304–323, 340–348, 349–364, 365–387);

разработано понятие «потестарная профилактика правонарушений», под которой предложено понимать допускаемые (легитимированные) государством превентивные практики поведения, распространенные среди членов семьи, этнических, географических сообществ, профессионально-трудовых коллективов, среди адептов религиозных объединений, предусматривающие понуждение, воспитание, обучение, психологическое воздействие с целью устранения или нейтрализации причин и условий преступного поведения, а также формирования у личности антикриминальной ментальности (положение 17, с. 27, 43, 85–91, 106–163, 239–288, 310–337, 371–376, 400–455);

предложено внести в федеральное и региональное законодательство, регулирующие вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних, дополнительные меры превенции (контролируемая свобода; запретительный судебный приказ, включая запрет приближаться на определенное расстояние к жертве или общаться с ней; проживание совместно с родственником или образовательной группой, которая поручилась за деликвента; возложение на несовершеннолетнего судом или комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав перечня образовательных, профессиональных обязанностей, направленных на его воспитание, с учетом его предпочтений; создание института оказания добровольной и принудительной социально-психологической помощи родителям в воспитании подростка; обеспечение эффективного надзора и контроля за поведением подростка посредством использования институтов патерналистского воздействия – института добровольных воспитателей, общественно-публичных комитетов помощи инспекциям по делам несовершеннолетних и др. (положение 20, с. 26–38, 49–67, 83–94, 120–131, 168–178, 287, 402–417.

Совокупность отмеченных положений и выводов, обладающих необходимыми признаками научной новизны, образует целостную теоретическую концепцию превентивной стратегии устранения криминальных проявлений со стороны индивидуумов посредством комплексного использования уголовного наказания, принудительного профилактического воздействия и криминорезистентных возможностей

общества, которая учитывает современные российские реалии и закладывает основы для оптимизации российского законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

Положительно оценивая проведенное А.В. Петровским исследование, и в целом разделяя его концепцию, отметим, что отдельные положения работы вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии.

1. Выносимые на защиту положения №1 о криминологической норме (с. 17 рукописи диссертации) и № 10 о криминологическом законодательстве (с. 21 рукописи диссертации) в той или иной мере уже встречаются в таких научных работах, как *Клейменов М.П.* Криминологическое законодательство и криминологическое право в России (дискуссионная трибуна) Журнал Lex Russica № 2 (135) февраль 2018); *Зикеев В.А.* Понятие криминологического законодательства (секция №6 Уголовное право и криминология) // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Том. Выпуск II. Издательство: Инновационный центр развития образования и науки. 2015г. С. 75–78; *Зикеев В.А.* О криминологической отрасли права. Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. С. 74; в учебных изданиях, например, Главе 2. «Криминологическое законодательство» (О.И. Нестерова, В.Н. Орлов) учебника Российское криминологическое право. Общая и Особенная части: учебник / А.В. Звонов, А.Е. Михайлов, В.Н. Орлов и др.; под ред. В.Н. Орлова; Университет ФСИН России; журнал «Российский криминологический взгляд». – СПб.: Университет ФСИН России; М.: Криминологическая библиотека, 2021; в учебнике Криминология для аспирантов. Юридическое издательство Норма. Авторы: *Мацкевич И.М., Аминов И.И., Антонян Е.А., Дашков Г.В., Кокурин А.В., Королева М.В., Орлов В.Н., Эминов В.Е.* 2022., в частности в параграф 3 первой главы указанной работы содержатся понятие, содержание, классификация и структура криминологических норм.

В этой связи автору диссертации – одному из активных участников Российской криминологической ассоциации им. А.И. Долговой и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, которые стоят на передних рубежах в вопросах разработки понятийного аппарата и системы криминологического законодательства, предстоит во время публичной защиты привести дополнительные аргументы в пользу предложенных им решений в сравнении с уже освещенными в приведенных выше работах.

Обращает на себя также внимание непоследовательность, с которой понятие «криминологическое законодательство» появляется в выносимом на защиту положении № 10 (с. 21), хотя употребляется и ранее (положение № 7, с. 19).

2. В положении № 20 (с. 25, 405, 417, 460), выносимом на защиту, предлагается законодательно закрепить возможность представителям казачьих сообществ, внештатным сотрудникам полиции, общественным объединениям правоохранительной направленности выполнять следующие правоохранительные функции, относящиеся к ведению органов внутренних дел и федеральной службы исполнения наказания: проверка соблюдения ограничений лицами, находящимися под административным и профилактическим надзором и отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества; проверка по месту жительства лиц, состоящих на профилактическом учете.

Представляется, что подобное предложение не проработано в деталях, а потому, и небезосновательно, создает дополнительные поводы для критики. Возникает вопрос о требованиях, предъявляемых к лицам, которых предлагается вовлечь в сферу профилактической работы, в том числе с несовершеннолетними (к образованию, опыту работы, требованиям об отсутствии судимости и др.), о механизмах осуществления контроля и надзора за их деятельностью.

Полагаем, что проверка соблюдения ограничений лицами, находящимися под административным и профилактическим надзором и отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества; проверка по месту жительства лиц, состоящих на профилактическом учете, является исключительной прерогативой федеральных органов государственной власти. Наделение казачьих сообществ, внештатных сотрудников полиции, общественных объединений широкими государственными полномочиями вступит в противоречие с общепризнанными международными принципами и нормами, международными договорами Российской Федерации, а также конституционными и иными основополагающими нормами и принципами российского законодательства в области прав человека и может повлечь существенное вмешательство в гражданские права.

Кроме того, актуализируются вопросы обеспечения безопасности персональных данных при их обработке. Соответственно велик риск утечки таких данных в средства массовой информации и социальные сети, что может вызвать широкий общественный резонанс. Не случайно правовое регулирование в рассматриваемой сфере правоотношений осуществляется целой системой нормативных правовых актов, которая формируется с ориентацией на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

3. Спорным выглядит сформулированное автором в положении № 20, выносимом на защиту (с. 27, 421), предложение о включении в российское законодательство положений, признающих в качестве общественно безопасных деяния по психологическому, имущественному, моральному понуждению несовершеннолетних их родителями, педагогами,

воспитателями в процессе воспитания правопослушности, а также деяния, связанные с психологическим понуждением членами трудового коллектива работника, представителями этнической общности – своего представителя в целях профилактики совершения им правонарушений (потестарное понуждение). По мнению автора, это требует включения в Уголовный кодекс РФ в гл. 8 «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» нормы «Обстоятельства допустимости деяния, исключаящего его преступность».

В тексте диссертации не раскрываются признаки и условия правомерности нового для института гражданской самозащиты обстоятельства, исключаящего преступность деяния. Это не способствует обоснованию необходимости расширения границ гражданской самозащиты. Тем более подобная законотворческая и правоприменительная практика последних 25 лет доказала свою несостоятельность.

Помимо этого, подобная инициатива представляет собой подмену установленного действующим законодательством порядка судопроизводства. Ее реализация может спровоцировать распространение внесудебных расправ, что приведет к дестабилизации социальной ситуации в стране.

4. Ознакомление с содержанием 4 Главы исследования, параграфа 4.4 «Традиционные (обычные) социальные нормы и институты предупреждения преступного поведения» и выводы к главе (стр. 379, 382–390 исследования), в которых анализируются возможности комплексного использования традиционных культурно-нравственных ценностей и народных обычаев в профилактике преступного поведения на территории страны, позволяет обратить внимание автора на необходимость изучения практики применения института примирения и деятельности примирительных комиссий в традиционных обществах Северного Кавказа, уже исследованных в криминологических работах (напр.: Зюков, А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика / А.М. Зюков, Владимир: ИП Журавлева, 2009. С. 160 и посл.).

Поэтому комплексный подход в использовании традиционных культурно-нравственных ценностей и народных обычаев предполагает более глубокое проникновение в исследуемую материю, позволяющее использовать весь потенциал этнического многообразия форм и способов предупредительного воздействия на лиц, склонных к деструктивному (девиантному) поведению, сохраняя социально одобряемые народные (этнические) традиции в пользу всеобщего правового компромисса.

Автор диссертационного исследования также имел возможность изучить работы в которых с позиции заимствования и использования нравственных ценностей для правовой системы Российского государства и прежде всего уголовного законодательства были проанализированы

Пятикнижие Моисея, Ветхий Завет, Талмуд, Кицур-Шульхан-Арух, Коран (Теоретические основы исследования этнической преступности / к.ю.н., доцент А.М. Зюков, В.А. Корчагина // Под ред. канд. юрид. наук., доц. А.М. Зюкова, Ярославль: Издательство «ИПК Литера», 2012. С. 197 и посл.).

5. Как мне представляется, соискатель недостаточное внимание уделяет вопросу традиционных общественных (народных) групп, к которым в полной мере можно отнести современное казачество (с. 142 – 144, 371, 395, 405 – 417, 460). Особенно актуальным данный вопрос является для текущей ситуации в связи с защитой русского и русскоязычного населения Донбасса, Запорожья, Херсонщины от геноцида со стороны властей Украины в границах субъектов, вошедших в состав Российской Федерации. В этом смысле усматривается некоторая пробельность в научном аппарате, поскольку не попали в поле зрения автора такие работы, как: *Бурлев О.В.* Казачьи дружины в обеспечении общественной безопасности и правопорядка. Текст научной статьи по специальности «Право». ЖУРНАЛ Инновационная наука, 2019. С. 109–113; *Береснев Р.В.* Правовые основы привлечения казачьих дружин к деятельности по профилактике преступности // Вестник Барнаульского юридического института МВД России Номер: 1 (40). 2021. С. 81–84; *Русский Донбасс: фронты и фронтиры: монография / Р. А. Пупыкин, С. П. Поцелуев, М. С. Константинов и др.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022.*

6. По тексту диссертации автор отмечает «совокупности сложившихся социально-этнических специфик, основанных на законодательстве, морали, нравственности, традициях (обычаях)» (с. 9 автореферата 3 абз.); «региональные морально-этнические ценности» (с. 22 положение № 13), «традиционные нормы»...«этническое воспитание» (с. 23 положение № 16), «этнические...географические сообщества» (с. 23 положение № 17), «религиозно-традиционное, морально-этническое (?! этическое), нравственно-профессиональное правило поведения» (с. 454 абз. четвертый), «этническую и культурную самобытность» (стр. 458 абз. второй), «символы этнической спецификации» (с. 458 абз. второй), «ядро соционормативной культуры, определяющей необходимые позитивные качества личности в этническом обществе» (там же). Однако следует обратить внимание, что сами дефиниции автором не раскрываются и не приводятся ни в качестве примеров, ни в качестве обобщений в исследовании. Тем самым, представляется затруднительным понимание таких задач исследования, как: определить методологию познания и методики исследования юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) норм, нормативных институтов предупреждения преступного поведения на основе традиционных обществ и охарактеризовать институциональную роль и значение для

предупреждения преступного поведения моральных, религиозных, традиционных, профессионально-корпоративных норм, нормативных институтов и практик.

Следует также обратить внимание автора, что построение модели предупреждения преступности в целом и антиобщественных проявлений в частности не всегда может и должно быть основано на нормативном регулировании. Так, в Японии в уголовном законе отсутствует норма аналогичная статье 157 УК РФ (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Построение общества Японии на традиции уважения старших не допускает проявление ситуации, приводящей к отказу от помощи своим нетрудоспособным родителям. Отсюда следует, что нет необходимости введения уголовно-правового запрета. И, напротив, наличие уголовно-правового запрета в уголовном законодательстве Израиля, нормы за «вступление в брачные отношения вне брака» с арестом на срок 5 лет для лиц обоего пола (с учетом того, что данный запрет полностью соответствует религиозной заповеди «не прелюбодействуй»), не исключает наличие в Израиле большого числа публичных домов, а 85% жителей страны не отрицают внебрачные отношения (которые запрещены Торой).

То есть, в данном случае введение нормы не исправляет нравы традиционного общества. Наказание за прелюбодеяние существуют в Индонезии (по закону шариата), на Тайване, на Филиппинах. При этом 82,2% жителей Тайваня настаивают на сохранении в силе данного закона.

Уголовно наказуемо данное явление в штатах США: Южная Дакота, Нью-Мексико, Оклахома, Миссисипи, Иллинойсе, на Гавайях, в Северной Каролине, в государстве Бруней, в Северной Нигерии, Афганистане, королевстве Саудовской Аравии, Пакистане, Судане, Уганде, Египте.

В Южной Корее 62 года действовала статья 241 Уголовного кодекса закреплявшая ответственность за супружескую измену. В 2015 г. Конституционный Суд Республики Корея признал норму неконституционной. В качестве основных религий в стране являются: буддизм (15,5 %), протестантизм (19,7 %), католицизм (7,9 %). Более 56 % населения нерелигиозные, а на остальные религии приходится менее 1 %.

Получается, что ни наличие уголовно-правового запрета или регулирования ответственности нормами буддизма, христианства, шариата, иудаизма и др., а равно отмена ответственности за указанные действия не меняет картину статистики. Вот в чем феномен. Вот поле для криминологического исследования и необходимость поиска новых путей противодействия преступности.

Несмотря на критику отдельных предложений и идей, следует поддержать автора диссертационного исследования, который осуществил серьезную попытку в выстраивании модели взаимодействия

традиционных, религиозных, профессионально-корпоративных правил и практик с антикриминальным законодательством.

В целом отмеченные дискуссионные положения работы не снижают ее качества. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация А.В. Петровского написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в уголовно-правовые науки.

2. Диссертация А.В. Петровского представляет собой научно квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное социально-правовое и политическое значение. Диссертация соответствует критериям, установленным пунктами 9 – 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 26.10.2023).

3. Автор диссертации – Петровский Антон Владимирович – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации

доктор юридических наук,
профессор

Виктор Викторович Меркурьев

26 декабря 2023 г.

Инд.:123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д.15

Тел.: 8(499)-256-61-21; 8(915)-077-36-86

E-mail:merkuriev-vui@mail.ru

Подпись Меркурьева В.В. за
заведующий
отдела государственной службы и кадров
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Инициал Маслова Н.А.
« 26 » декабря 20 23

С отзывом ознакомлен
Актисиф А.В. Петровский
11.01.2024